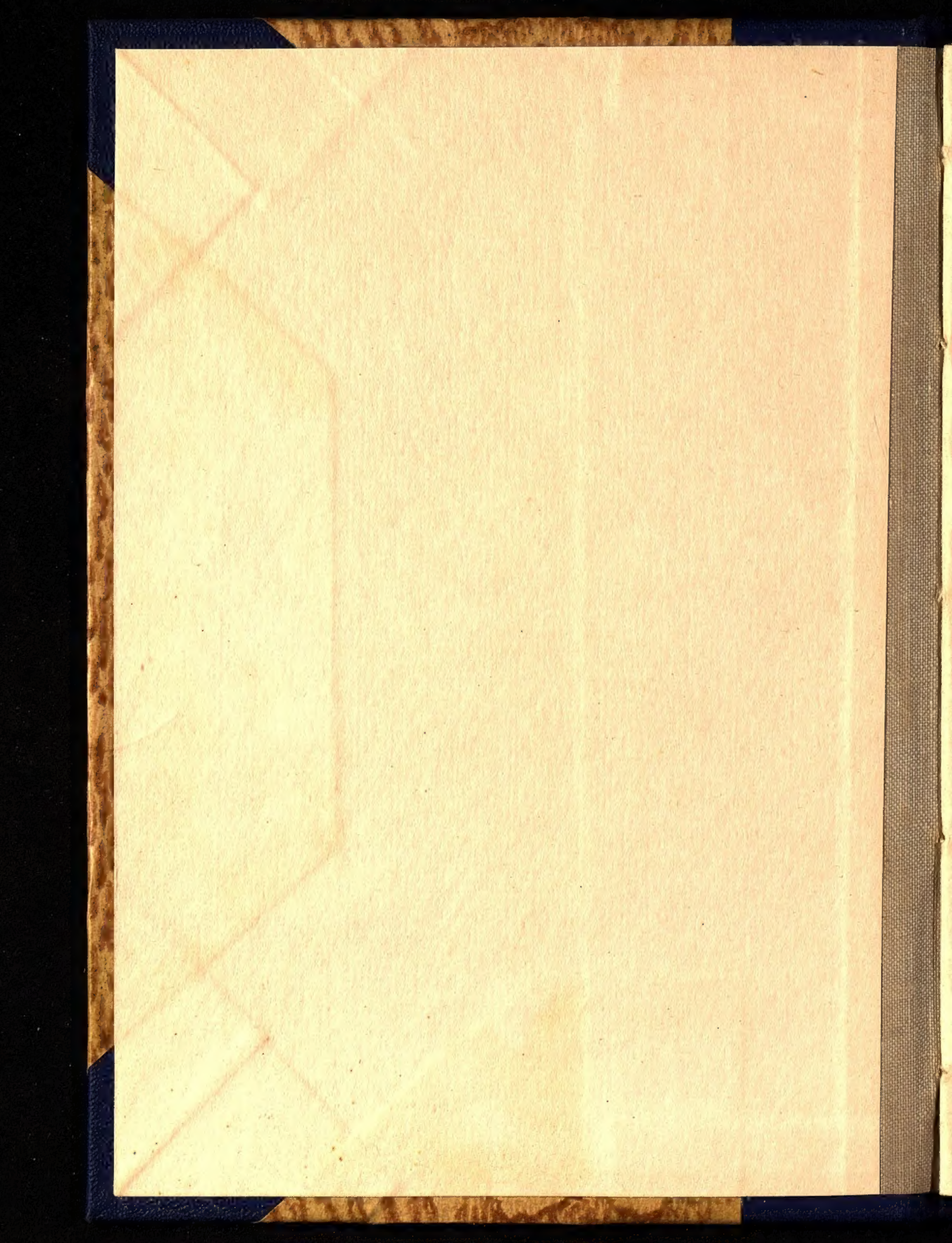
Зиновьев,
Г. Е.
Вокруг
свободы печати.

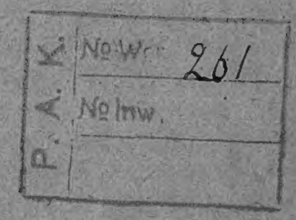
Спб., 1914.

Г. Зиновьевъ.

ВОКРУГЪ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ.

СПБ. 1914. Цѣна 3 коп.

Типографія М. Волковича. Садовая 60 (уг. Б. Подъяческой).

ВОКРУГЪ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ четвертую Государственную Думу правительствомъ, черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, внесенъ проектъ новаго закона о печати. Дума выбрала спеціальную комиссію, которая теперь разсматриваетъ этотъ законопроектъ. Когда комиссія окончитъ свою „работу", законопроектъ перейдетъ на разсмотрѣніе всей Думы. И если помѣщичье большинство вполнѣ столкуется съ правительствомъ, проектъ этотъ станетъ закономъ.

Вопросъ о свободѣ печати есть коренной вопросъ всей общественной жизни. Безъ печати вся политическая жизнь сходитъ на нѣтъ. Печатное слово есть важнѣйшее орудіе общенія людей между собой. Оно имѣетъ великое просвѣтительное значеніе. И оно же служитъ средствомъ организаціи людей. Свобода собраній, напримѣръ, безъ свободы печати теряетъ добрую половину своего значенія. Ибо, если нельзя напечатать о томъ, что происходило на собраніи, то все дѣло ограничится только участниками собранія. То же и со свободой союзовъ. Свобода союзовъ безъ свободы слова тоже теряетъ почти все свое значеніе. Союзъ не можетъ обходиться безъ гласности, безъ печатнаго распространенія своихъ идей.

Свобода печати есть, однимъ словомъ, начало всѣхъ свободъ. Безъ свободы печати немыслимъ свободный народъ. Пока народъ не завоевалъ себѣ свободы слова и печати, до тѣхъ поръ это—народъ рабовъ, а не народъ свободныхъ гражданъ. Недаромъ поработители народные во всѣ вѣка и во всемъ мірѣ выступали самыми ярыми гонителями вольной мысли и свободнаго слова...

Вотъ почему нѣтъ ни одного россійскаго гражданина, котораго не касался бы самымъ кровнымъ образомъ обсуждающійся теперь въ Думѣ проектъ новаго закона о печати. На всѣхъ безъ исключенія россійскихъ гражданахъ такъ или иначе да отзовется новый законъ. Особенно близко вопросъ

о свободѣ печати касается рабочихъ. Обездоленные классы больше всего заинтересованы въ томъ, чтобы печать была свободна. Свободное слово нужно имъ, какъ свѣточъ просвѣщенія, какъ великій голосъ, сзывающій всѣхъ эксплуатируемыхъ и порабощенныхъ въ одинъ станъ.

1. Откуда ведетъ свое происхожденіе новый законопроектъ о печати.

Прежде всего познакомимся—хотя бы въ самыхъ короткихъ чертахъ—съ исторіей новаго проекта закона о печати. Откуда взялся этотъ законопроектъ? Почему именно теперь сталъ онъ на очередь? Каково было русское законодательство о печати въ прошломъ?

Первымъ болѣе или менѣе полнымъ закономъ о печати въ Россіи былъ уставъ 22 апрѣля 1828 года. Весь законъ построенъ былъ на предупредительной цензурѣ. Каждое печатное произведеніе должно было раньше появленія въ свѣтъ идти на цензуру (просмотръ и разрѣшеніе) соотвѣтствующихъ властей. А власти должны были „предупреждать“ и „пресѣкать“.

Нѣкоторое измѣненіе въ положеніи печати наступило въ шестидесятыхъ годахъ. Оппозиціонное настроеніе росло. Крѣпостное право пережило себя. Извѣстны слова Александра II: „лучше освободить крестьянъ сверху, чѣмъ, ждать, когда они сами освободятъ себя снизу“. Неудачная крымская кампанія обострила положеніе. Прежнее порабощеніе печати стало немыслимо. Надо было сдѣлать хоть видимость уступокъ. И вотъ изданы были „временныя правила“ 6 апрѣля 1865 года, которыя, по выраженію Высочайшаго указа, должны были „дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства“. Эти правила освобождали книги и *столичныя* изданія отъ предварительной цензуры, но оставляли рядъ другихъ средствъ закабаленія печати. Однако, очень скоро опять восторжествовали реакціонныя вѣянія и къ правиламъ 6 апрѣля изданъ былъ рядъ „дополнительныхъ установленій“, которыя сводили на нѣтъ всѣ тѣ улучшенія, которыя содержались въ правилахъ 6 апрѣля.

Дальнѣйшимъ этапомъ является уставъ о цензурѣ и печати изданія 1890 года. По существу дѣла все остается по старому. Реакція торжествуетъ, страна безмолвствуетъ—печать въ оковахъ.

Народное движеніе передъ 1905 годомъ, руководимое рабочимъ классомъ, вызываетъ измѣненіе въ судьбахъ печати.

Въ указѣ правительствующему сенату отъ 12 декабря 1904 года предлагается „устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій *излишнія* стѣсненія“.

21 января 1905 года отмѣняются нѣкоторыя изъ ограничительныхъ постановленій о печати.

Движеніе демократіи развивается дальше—17 октября 1905 года провозглашается конституція, которая обѣщаетъ и свободу слова.

На скоро вслѣдъ за тѣмъ реакція оправляется и переходитъ отъ обороны къ наступленію. Одно за другимъ начинаютъ отнимать назадъ завоеванія народа. И въ первую голову—натискъ устремляется противъ зачатковъ свободы печати.

Авторы нынѣшняго новаго законопроекта противъ печати устами министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова слѣдующимъ образомъ описываютъ тогдашнія событія:

„Дѣятели печати, объединившіеся въ самовольные союзы, сговорились не подчиняться установленнымъ въ законѣ требованіямъ, не представлять въ надлежащія правительственныя установленія номера повременныхъ изданій, не принимать для продажи прошедшія черезъ предварительную цензуру книги и т. п. На почвѣ водворившейся такимъ путемъ анархіи печати народилось множество различныхъ, по преимуществу дешевыхъ, разсчитанныхъ на широкое распространеніе въ народныхъ массахъ газетъ, журналовъ, брошюръ и иныхъ печатныхъ произведеній, которыя открыто преслѣдовали революціонныя цѣли“ (объяснительная записка министра внутреннихъ дѣлъ, стр. 3).

И вотъ начались новыя притѣсненія печати. 24 ноября 1905 года, 18 марта и 25 апрѣля 1906 года изданы были новыя „временныя правила“ для періодической печати въ городахъ и для изданій неповременныхъ. Свободы печати—какъ не бывало. Она существовала только въ теченіе тѣхъ короткихъ дней свободы, когда она была взята „самовольно“, явочнымъ путемъ.

Однако, и на этомъ дѣло не остановилось. По мѣрѣ того, какъ стихало рабочее движеніе, усиливался натискъ противъ печати.

Тѣ же авторы нынѣшняго новаго закона объясняютъ этотъ натискъ слѣдующимъ образомъ:

„Между тѣмъ, непрекращавшаяся революціонная агитація въ печати, явно направленная къ подрыву уваженія къ закону и власти, волнуя общественное сознаніе и возбуждая

политическія страсти, требовала рѣшительныхъ мѣръ“ (тамъ же, стр. 4).

И „рѣшительныя мѣры“ были приняты. На основаніи положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ мѣстными властями былъ изданъ рядъ „обязательныхъ постановленій“, еще болѣе связывающихъ печать.

Вотъ въ предѣлахъ-то этихъ „временныхъ правилъ“, усугубленныхъ „обязательными постановленіями“, и ведетъ свое тяжелое существованіе многострадальная русская печать...

Но — аппетитъ приходитъ во время ѣды. Перешедшая въ наступленіе реакція не остановилась на этомъ. Сопротивленія не было, и она рѣшила пойти дальше. Когда въ 1912—1913 годахъ рабочее движеніе возродилось и вслѣдъ затѣмъ начался общій подъемъ политической борьбы, реакція еще больше заторопилась. Какъ бы не опоздать съ полнымъ „обузданіемъ“ печати. Волнуясь и спѣша, принялись за изготовленіе новаго закона противъ печати—того самаго, который какъ разъ теперь-то и является злобой дня.

Кому нуженъ этотъ новый законъ? Какой классъ въ немъ заинтересованъ? Какому классу онъ выгоденъ?

Для оцѣнки классоваго характера новаго закона, достаточно обратить вниманіе на слѣдующее.

Въ основныхъ чертахъ законъ этотъ выработанъ на послѣднемъ общероссійскомъ съѣздѣ *объединеннаго дворянства* въ 1913 году. Это совѣтъ объединеннаго дворянства поставилъ на очередь вопросъ о новомъ законѣ противъ печати. Это онъ продиктовалъ главныя положенія этого закона.

Но иной читатель, пожалуй, прерветъ насъ вопросомъ: а что же это за учрежденіе—совѣтъ объединеннаго дворянства?

— Это, читатель, очень и очень вліятельное учрежденіе въ нашей странѣ. Гораздо болѣе вліятельное, чѣмъ Государственная Дума и даже, пожалуй, чѣмъ Государственный Совѣтъ. Это—классовая организація крупнѣйшихъ русскихъ помѣщиковъ. Это—представительство того немногочисленнаго владѣльческаго класса, который является фактическимъ хозяиномъ положенія и вершителемъ политическихъ судебъ въ Россіи.

Посмотрите хотя бы на имущественное положеніе виднѣйшихъ дѣятелей совѣта объединеннаго дворянства (заимствуемъ наши свѣдѣнія изъ оффиціальныхъ данныхъ). — Графъ П. С. Строгановъ—владѣетъ родовымъ имѣніемъ въ

30.500 десятинъ, жена его—31.500 десятинъ. Н. П. Балашевъ—родовое имѣніе 259.693 десятинъ, благопріобрѣтенныхъ земель — 123.528 десятинъ. Графъ А. А. Бобринскій — 649.000 десятинъ. И. Е. Шевичъ—24.000 десятинъ. А. П. Струковъ—50.035 десятинъ. Князь Васильчиковъ—30.074 десятинъ. Г. И. Кристи—9.255 десятинъ. Есть и владѣющіе почти милліонами десятинъ. К. В. Рукавишниковъ—843.988 десятинъ земли, кн. Абамелекъ-Лазаревъ—899.999 десятинъ! По правительственнымъ даннымъ въ 1906 году въ россійской имперіи было 1.794 помѣщика, у которыхъ *больше*, чѣмъ по 4.000 десятинъ. 475 помѣщиковъ владѣютъ отъ 4.000 до 5.000 десятинъ. 792 помѣщика владѣютъ отъ 5.000 до 10.000 десятинъ. 527 помѣщиковъ имѣютъ *свыше*, чѣмъ по 100.000 десятинъ. Всего у 27.833 помѣщиковъ числилось въ 1906 году 61.991.321 десятина земли, а съ прибавленіемъ фабричныхъ помѣстій—выходитъ около 70 милліоновъ десятинъ земли въ рукахъ приблизительно 30 тысячъ владѣльцевъ. (А среди крестьянъ 70 мил. десятинъ приходится на *10 милліоновъ дворовъ*).

Вотъ этотъ-то землевладѣльческій классъ представляетъ совѣтъ объединеннаго дворянства. И этотъ-то классъ черезъ своихъ представителей продиктовалъ новый законъ противъ печати.

Совѣтъ объединеннаго дворянства существуетъ недолго. Онъ сложился и оформился въ 1905/6 г. Но онъ успѣлъ оказать очень большое вліяніе на ходъ государственной жизни. Онъ оказалъ ближайшее вліяніе на роспускъ первыхъ двухъ Госуд. Думъ. Онъ продиктовалъ земельный законъ 9 ноября, которымъ деревня отдана на расхищеніе кулакамъ и міроѣдамъ. Онъ занимался вопросами школы, онъ обострялъ гоненія противъ „инородцевъ", онъ намѣчалъ новый избирательный законъ, онъ вмѣшивался во все.

И вотъ теперь онъ же потребовалъ проведенія новаго закона противъ печати.

На послѣднемъ съѣздѣ объединенныхъ дворянъ, послѣ доклада совѣта и рѣчей Маркова 2-го и Пуришкевича, былъ выработанъ почти во всѣхъ подробностяхъ нынѣшній проектъ.

Въ этомъ видѣ онъ и былъ намѣченъ министерствомъ внутр. дѣлъ къ проведенію. Однако, въ нѣкоторыхъ пунктахъ первоначальный проектъ былъ слишкомъ откровененъ (ниже мы увидимъ, въ чемъ именно). Пришлось его чуть-чуть „переработать". Въ этомъ переработанномъ видѣ онъ теперь и внесенъ въ Думу.

Вотъ каково происхожденіе новаго законопроекта. Пуришкевичъ съ полнымъ правомъ заявлялъ въ печати, что онъ является однимъ изъ главныхъ авторовъ этого законопроекта...

2. Какую цѣль ставитъ себѣ новый законъ противъ печати.

Новый законопроектъ ставитъ себѣ цѣлью: во-первыхъ, окончательно уничтожить, задушить рабочую печать и во-вторыхъ, ограничить оппозиціонную буржуазную печать. Главная его задача—первая: уничтожить рабочую печать.

Опытъ 1912—1913 годовъ показалъ, что по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, рабочая газета, худо ли, хорошо ли, можетъ существовать—несмотря на тысячи репрессій, придирокъ, препятствій. Массовая поддержка со стороны рабочихъ, атмосфера любви, поддержки и сочувствія, которыми рабочіе окружаютъ свою родную газету, даютъ ей силу существовать.

Реакціонеры ищутъ: какъ бы „освободиться" отъ этой рабочей печати. И вотъ они наталкиваются на маленькіе „недостатки механизма". Оказывается, даже ихъ собственныя „временныя правила" кое въ чемъ ихъ связываютъ. И начинается—битье посуды. Необходимо эти „правила" во что бы то ни стало еще ухудшить.

Главная бѣда въ чемъ? Разъ только нѣтъ предварительной цензуры, разъ газету можно вынести изъ типографіи сейчасъ по напечатаніи ея—почти ничего тогда съ рабочей газетой не подѣлаешь. Расхватаютъ рабочіе номеръ, а тамъ ищи—свищи. Значитъ—дѣло ясное: надо вернуться назадъ, надо возстановить позорной памяти предварительную цензуру.

Вотъ за эту-то щекотливую задачу прежде всего и принимается законопроектъ.

По нынѣ дѣйствующимъ правиламъ, газета посылается по начальству *одновременно* съ выпускомъ изъ типографіи. Отвѣта начальства, разрѣшенія выпустить газету ждать не нужно. Можно напечатать хоть 100 тысячъ экземпляровъ и забрать ихъ, раздать газетчикамъ, раздать покупателямъ. Правда, черезъ пять минутъ уже можетъ быть наложенъ арестъ на номеръ. Но вернуть газету назадъ уже труднѣе.

Совѣтъ объединеннаго дворянства, вырабатывая новый законъ, предложилъ, чтобы газета отправлялась по начальству за 2 или 3 часа до выпуска ея въ свѣтъ. Тогда у начальства было бы достаточно времени, чтобы наложить арестъ, не выпустивъ ни одного номера изъ типографіи.

Первоначальный проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ такъ и былъ составленъ. Но тутъ возмутилась и правая печать. Вѣдь нельзя написать законъ такъ: за 3 часа посылаются на начальству только рабочія газеты. Пришлось бы и правымъ газетамъ посылать. А по условіямъ газетнаго дѣла это—зарѣзъ. Не только, что 3 часа, но и 3 минуты дороги газетѣ. Это и было разъяснено господамъ дворянамъ.

Тогда министерство внутр. дѣлъ предложило срокъ въ одинъ часъ. Статья 81 *первоначальнаго* проекта предполагала ввести именно часовой срокъ. Но и это было непріемлемо даже для черносотенной и буржуазной печати. И вотъ теперь въ новомъ проектѣ создана статья 67, которая гласитъ:

— „*Первые* экземпляры повременнаго изданія въ установленномъ количествѣ, *немедленно* по ихъ отпечатаніи, должны быть представлены, въ исправномъ видѣ... комитету или инспектору по дѣламъ печати".

Это звучитъ очень благовидно. Но на дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь то же возстановленіе предварительной цензуры.

По начальству надо отсылать *первые* экземпляры *немедленно* по напечатаніи. Такъ какъ начальство конфисковать можетъ въ теченіе $^1/_2$ часа, а то и быстрѣе, то выйдетъ, что пока успѣютъ напечатать послѣдніе номера, арестъ уже будетъ наложенъ и изъ типографіи не будетъ выпущенъ ни одинъ номеръ.

Это—*самый тяжелый* видъ предварительной цензуры. Прежде цензору не приходилось хоть представлять *готоваго* номера, и потому при арестахъ газеты убытокъ былъ не такъ великъ. Можно было замѣнять однѣ статьи другими, и такимъ образомъ газета все-таки появлялась.

Статья 67 больше всего рѣжетъ рабочую печать. Здѣсь въ скрытомъ видѣ возстановлена предварительная цензура. Не мытьемъ, такъ катаньемъ!..

Другая губительная для рабочей печати статья, это— ст. 45. Она гласитъ:

— „Отвѣтственными редакторами повременныхъ изданій могутъ быть только русскіе подданные обоего пола, достигшіе 25-лѣтняго возраста, обладающіе общей гражданскою правоспособностью, *окончившіе учебныя заведенія не ниже среднихъ*".

По этой статьѣ выходитъ, что *рабочіе* не смогутъ уже болѣе быть отвѣтственными редакторами своихъ газетъ. Ибо— какіе же рабочіе окончили 8 классовъ средняго учебнаго заведенія?

Выходитъ, что даже профессіональный органъ ткачей, или металлистовъ, или кожевниковъ и т. п. не можетъ редактироваться рабочимъ, а—долженъ редактироваться окончившимъ гимназію.

Это, конечно, явное издѣвательство надъ рабочими интересами. Но вѣдь Пуришкевичи и не скрываютъ, что ихъ задача—погубить рабочую печать.

Бьютъ и дубьемъ и рублемъ. Статьи 145 и 148 вводятъ, *кромѣ* установленнаго закономъ личнаго наказанія, еще штрафы въ первый разъ—отъ 100 до 1.000 рублей, а при повторныхъ случаяхъ—отъ 500 до 3.000 рублей. (Думская комиссія высказалась за сокращеніе этихъ штрафовъ).

Кромѣ того, предполагается еще ввести въ уставъ уголовнаго судопроизводства спеціальную статью 1213[15], которая гласитъ:

— ... „Если арестъ будетъ утвержденъ судомъ въ виду заключающихся въ повременномъ изданіи признаковъ преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ 73, 103, 104, 111[1], 111[4], 128, 129 и 132 угол. улож., то изданіе можетъ быть продолжено не иначе, какъ по представленіи издателемъ *денежнаго обезпеченія, въ размѣрѣ отъ 100 до 3.000 рублей*“.

Ясное дѣло, что и этотъ пунктъ губитъ рабочую печать. Ибо—гдѣ взять рабочимъ 3.000 рублей на залоги?

Это еще далеко не всѣ перлы проектируемаго закона. Мы не касаемся здѣсь болѣе мелкихъ ухудшеній и тѣхъ поистинѣ каторжныхъ наказаній за „преступленія печати“, которыя онъ вводитъ. Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть главную его цѣль:

— *Отнять у рабочихъ то орудіе, которое даетъ имъ рабочая печать.*

3. Законъ противъ печати и Государственная Дума.

Какъ поведетъ себя Гос. Дума въ связи съ новымъ закономъ противъ печати, видно по тому, какъ ведетъ себя думская комиссія. Вѣдь комиссія выбрана Думой и отражаетъ въ себѣ соотношеніе думскихъ силъ. Лишь въ видѣ исключенія бываютъ случаи, когда Дума не одобряетъ рѣшеній своихъ комиссій.

А въ комиссіи все главное, что направлено *противъ рабочихъ*, уже принято. *И* возстановленіе предварительной цензуры, *и* лишеніе рабочихъ права быть редакторами *уже* прошло въ думской комиссіи. Что касается остальныхъ ухудшеній, затрагивающихъ и буржуазную печать, то тутъ Дума

поторгуется еще съ правительствомъ. Но—рабочихъ она выдастъ съ головой.

Замѣчательно поучительный урокъ! Дума, говорятъ, „полѣвѣла“. Полѣвѣли г-да октябристы, которые даже раскололись между собой изъ-за этого. Всѣ буржуазныя партіи недовольны правительствомъ. Всѣ кричатъ, что такъ жить дальше нельзя. Всѣ требуютъ реформъ. Всѣ ропщутъ и грозятъ „сосчитаться“ съ правительствомъ. Но какъ только дѣло касается рабочихъ, тутъ всѣ забываютъ о своемъ „полѣвѣніи“. Противъ рабочихъ идутъ всѣ. Рабочую печать готовы всѣ душить. Это — общій врагъ. Въ 1001-ый разъ доказана этимъ контръ-революціонность россійской буржуазіи. Въ 1001-ый разъ доказано, что подлиннаго торжества демократіи наша буржуазія боится больше, чѣмъ торжества Пуришкевичей...

На четвертую Думу рабочіе не могутъ возлагать никакихъ надеждъ. Въ ней, конечно, составится большинство, которое приметъ законъ противъ рабочей печати. Вершители судебъ четвертой Думы могутъ поколебаться въ своей рѣшимости только въ томъ случаѣ, если они увидятъ, что тамъ въ „низахъ“, въ глубинахъ народныхъ, за предѣлами Думы, нарождается серьезный, очень серьезный протестъ, возникаетъ движеніе, которое принимаетъ очень серьезные размѣры...

Рабочіе депутаты, конечно, будутъ бороться противъ этого закона въ стѣнахъ Думы, клеймить всѣхъ тѣхъ, кто согласится поддержать этотъ законъ противъ печати. Но надѣяться на внутридумскія „комбинаціи“, на различные думскіе фокусы и сдѣлки — не приходится. Плохо будетъ дѣло свободы печати, если ея надежды будутъ обращены въ сторону четвертой Думы...

4. Свобода печати и либеральная буржуазія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наша либеральная буржуазія стоитъ за гораздо большую свободу печати, нежели та, которую склонны „терпѣть“ Пуришкевичъ и стоящіе за нимъ. Неоспоримо и то, что внесенный теперь министерствомъ внутреннихъ дѣлъ законопроектъ, въ которомъ Пуришкевичъ принималъ, по его словамъ, непосредственное участіе, во многомъ не нравится либераламъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы глубочайшей ошибкой думать, что въ вопросѣ о свободѣ печати позиція рабочаго класса совпадаетъ съ позиціей либеральной буржуазіи.

Совершенно невѣрно, будто либеральная буржуазія тоже стремится къ полной свободѣ печати для всѣхъ безъ различія политическихъ направленій. Позиція нашей буржуазіи сказалась и въ этомъ вопросѣ. Говоря о свободѣ печати, либералы всегда имѣютъ въ виду, что это не относится къ подлинно-демократическимъ направленіямъ,—къ тѣмъ, кто, по мнѣнію либераловъ, заходитъ „слишкомъ далеко". А такъ какъ къ числу послѣднихъ либералы, конечно, относятъ прежде всего пролетарскій лагерь, — то дѣйствительной, полной свободы для *рабочей* печати либералы не отстаиваютъ. Они добиваются только свободы для *своей* печати, стоящей на „конституціонной" почвѣ.

За доказательствами ходить недалеко. Только Иваны Непомнящіе могли забыть о подвигахъ либераловъ на поприщѣ борьбы противъ дѣйствительной свободы печати.

Самая „лѣвая" изъ либеральныхъ партій — кадеты — во время медоваго мѣсяца либерализма въ эпоху первой Думы— выступала съ законопроектами, явно направленными *противъ* свободы рабочей и вообще демократической печати. Не будемъ уже говорить о пресловутомъ „черновомъ наброскѣ" кадетскаго законопроекта, въ которомъ либералы требовали 4 *лѣтъ каторги* за „преступленія" путемъ печати. Остановимся только на законопроектѣ, *внесенномъ* кадетами въ первую Думу 4 іюля 1906 года. Онъ подписанъ такими столпами либерализма, какъ Набоковъ, Петрункевичъ, Винаверъ, Гредескулъ, Родичевъ Шершеневичъ и другіе. Для освѣженія памяти нѣкоторыхъ любителей союзовъ съ либералами, приведемъ здѣсь рядъ дословныхъ выписокъ изъ отдѣла V этого законопроекта—„О взысканіяхъ, налагаемыхъ за нарушеніе правилъ о печати".

— „17. Виновные въ нарушеніи правилъ, установленныхъ статьями 6 и 13, наказываются денежною пенею не свыше 300 руб. Если означенное нарушніе содѣяно путемъ напечатанія завѣдомо ложныхъ свѣдѣній, то виновный наказывается:—заключеніемъ въ тюрьмѣ не свыше 6 мѣсяцевъ.

19. Виновный въ нарушеніи правилъ, установленныхъ статьями 8, 9 и 10, наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ— сорокомъ до одного года или арестомъ и денежной пенею не свыше 500 руб.".

Различныя наказанія предусмотрѣны и статьями 18, 20, 21, 22, 23. Они такъ и пестрятъ: „арестомъ не свыше трехъ мѣсяцевъ", „штрафомъ въ 300 руб." и т. д.

Но особенно хорошъ отдѣлъ VI—„О преступныхъ дѣяніяхъ, совершаемыхъ путемъ печати".

Полюбуйтесь, читатели, чѣмъ кадеты предлагаютъ замѣнить знаменитыя 128 и 129 ст. уголовнаго уложенія.

„I. Ст. 128 угол. улож. изложить такъ:

„Виновный въ оказаніи дерзостнаго неуваженія Верховной Власти произнесеніемъ или чтеніемъ публично рѣчи или сочиненія, или распространеніемъ, или публичнымъ выставленіемъ сочиненія или изображенія,

— наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ до одного года".

II. Статью 129 замѣнить статьей нижеслѣдующаго содержанія:

„Виновный въ произнесеніи или чтеніи публично рѣчи или сочиненія, или распространеніи, или публичномъ выставленіи произведеній, прямо призывающихъ къ учиненію убійства, разбоя, поджога или одного изъ преступныхъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ статьями 99, 100, 108, и 109 угол. улож., если сіе учинено съ цѣлью побудить къ совершенію одного изъ сихъ преступленій, наказывается

— заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше двухъ лѣтъ".

„Если же послѣдствіемъ означенныхъ дѣйствій было совершеніе одного изъ указанныхъ преступленій, то виновный, если не подлежитъ болѣе строгому наказанію, какъ соучастникъ, наказыватеся

— заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше пяти (пяти!!) лѣтъ" [1]).

Взгляды кадетовъ на свободу печати очень интересны, разъ заговариваютъ о союзѣ рабочихъ съ либералами въ борьбѣ за свободу печати. А взгляды кадетовъ на этотъ счетъ едва ли измѣнились за нѣсколько лѣтъ. Объ этомъ что-то не слыхать было. Разъ наканунѣ Выборгскаго воззванія кадеты сочиняли такія полицейски-чиновничьи издѣлія противъ свободы печати, то едва ли теперь, когда кадеты такъ „поумнѣли", есть основаніе ждать отъ нихъ чего-либо иного.

Приведенныя выписки показываютъ, что съ кадетами рабочіе могли бы объединиться лишь на условіи защиты *полу*-свободы печати. Ибо свобода печати и... 5 лѣтъ крѣпости за „преступленія" печати—вещи несовмѣстимыя.

— „Рабочій классъ не одинокъ въ борьбѣ за свободу печати"—говорятъ намъ. Даже октябристы во многомъ недо-

---

[1]) Цитируемъ по кадетскому сборнику „Законодательные проекты" (стр. 21, 22).

вольны существующимъ положеніемъ печати—поучаютъ рабочихъ. И намъ проповѣдуютъ „согласованныя дѣйствія *всѣхъ* элементовъ буржуазной оппозиціи съ крайними лѣвыми“. Намъ говорятъ, что такой союзъ съ буржуазіей и такія дѣйствія явились бы вполнѣ возможными и цѣлесообразными.

Со всѣмъ этимъ не могутъ согласиться передовые рабочіе. Мы были бы очень рады, если бы рабочій классъ былъ въ самомъ дѣлѣ „не одинокъ“ въ борьбѣ за полную свободу печати. Но нельзя обманывать себя и другихъ. На дѣлѣ это *не такъ*. На дѣлѣ рабочіе могутъ въ лучшемъ случаѣ ждать поддержки лишь со стороны крестьянской и городской демократіи. Либеральная буржуазія не желаетъ полной свободы рабочей печати. И это связано со всей ея политической линіей: она боится полнаго торжества демократіи больше, чѣмъ торжества Пуришкевичей. Это доказано всѣми историческими событіями послѣднихъ лѣтъ. Союзъ съ буржуазіей могъ бы состояться лишь въ томъ случаѣ, если бы рабочій классъ отказался отъ послѣдовательнаго демократизма.

Это не значитъ, конечно, что рабочіе должны отказаться отъ борьбы за свободу печати. Напротивъ! Вполнѣ сознавая, что разсчитывать они могутъ только на себя да на поддержку буржуазной демократіи, не обманывая себя никакими ложными надеждами,—рабочіе разовьютъ еще болѣе энергичную борьбу за свободу печати.

Отказываться рабочимъ отъ поддержки со стороны буржуазіи, *еслибы* буржуазія хотѣла помочь, было бы, конечно, смѣшно. Но такъ же смѣшно думать, что хотя бы самой слабой поддержки со стороны буржуазіи можно добиться, отказавшись отъ старыхъ лозунговъ. Нѣтъ, чѣмъ болѣе непримиримую борьбу разовьютъ рабочіе, чѣмъ больше будетъ размахъ движенія, тѣмъ скорѣе колеблющіеся элементы станутъ оказывать намъ ту или иную временную помощь.

Убаюкивать рабочихъ баснями о томъ, что они „не одиноки“, что союзъ съ буржуазіей возможенъ и полезенъ—значитъ вносить разбродъ въ рабочее движеніе.

Въ своихъ резолюціяхъ рабочіе не должны говорить: мы не одиноки, мы вѣримъ въ союзъ съ либералами. Они должны, наоборотъ, заявлять: мы вѣримъ только въ свои собственныя силы и силы демократіи, мы знаемъ, что либералы не хотятъ подлинной свободы рабочей печати. Мы идемъ своимъ старымъ, испытаннымъ путемъ.

5. Законъ о печати и рабочіе.

Итакъ—не въ союзѣ съ либеральной буржуазіей и не въ надеждахъ на четвертую Думу лежитъ путь къ побѣдѣ и завоеванію дѣйствительной свободы печати.

Такъ въ чемъ же?

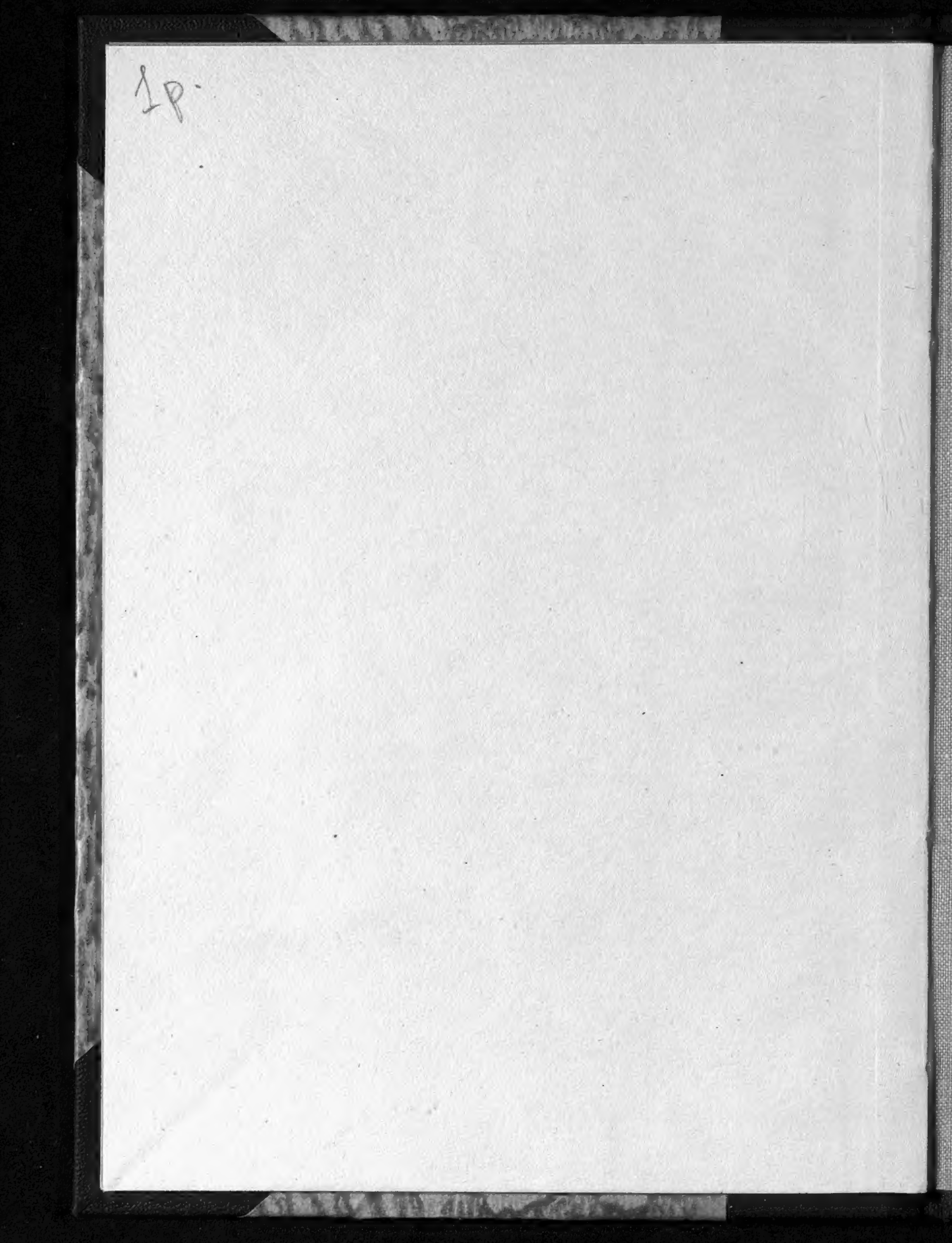
Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, надо ясно понять все политическое положеніе въ странѣ. Надо помнить—какой классъ продиктовалъ этотъ законъ. Надо уразумѣть, что этотъ законъ—не случайное явленіе, а вытекъ изъ всего соотношенія политическихъ силъ въ странѣ.

И надо помнить, что дѣйствительная свобода печати осуществлялась только тогда, когда за ней стояла организованная сила. Нужно показать, что своимъ самопожертвованіемъ рабочіе отстоятъ свою рабочую печать — несмотря ни на какія преслѣдованія. Нужно дѣломъ доказать, что въ рабочихъ кварталахъ и по всей Россіи будетъ, не взирая ни на что, звучать свободное слово.

Дѣйствительная свобода печати возможна только въ свободной странѣ. Вотъ что должны прежде всего понять всѣ рабочіе. Вопросъ о свободѣ печати есть только часть общаго вопроса о свободной Россіи. Нѣтъ никакихъ спеціальныхъ средствъ къ завоеванію свободы печати. Такого рецепта, чтобы завоевать свободу печати, пока фактически безраздѣльно хозяйничаютъ Пуришкевичи, — не существуетъ. Кто ищетъ такого рецепта, тотъ занимается знахарствомъ. Надо понять, въ чемъ коренится болѣзнь и — лечить больного по настоящему...

Вопросъ о свободѣ печати сталъ злобой дня. Не могутъ оставаться спокойными рабочіе. Новый законъ противъ печати касается ихъ ближе всего. Рабочіе откликнутся въ резолюціяхъ протеста. Это—нужная и важная вещь. Но дѣло не должно ограничиваться однѣми резолюціями. Рабочіе не должны забывать связи вопроса о свободѣ печати съ общимъ вопросомъ. Тогда и свобода печати будетъ обезпечена. Тогда никакое насиліе надъ вольной мыслью не будетъ возможно. И она, по словамъ поэта,

— Въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ...

1p.

